

Далекие зимние вечера. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Далекие зимние вечера. Василий Макарович Шукшин

Февраль 1942 года.
Под Москвой идут тяжелые бои.

А на окраине далекой сибирской деревеньки крикливая ребятня с раннего утра режется в бабки. Сумки с книжками валяются в стороне.

Обыгрывает всех знаменитый Мишка Босовило – коренастый малый в огромной шапке. Его биток, как маленький снаряд, вырывает с кона сразу штук по пять бабок. Мишка играет спокойно, уверенно. Прежде чем бить по кону, он снимает с правой руки рукавицу, сморкается по-мужичьи на дорогу, прищуривает левый глаз... прицеливается... Все затаив дыхание горестно следят за ним. Мишка делает шаг... второй... – р-р-раз! – срезал. У Мишки есть бабушка, а бабушка, говорят, того... поколдовывает. У ребятшек подозрение, что Мишкин биток заколдован.

Ванька Колокольников проигрался к обеду в пух и прах. Под конец, когда у него осталась одна бабка, он хотел словчить: заспорил с Гришкой Коноваловым, что сейчас его, Ванькина очередь бить. Гришка стал доказывать свое.

– А по сопатке хошь? – спросил Ванька.

– Да ты же за Петькой бьешь-то!

– Нет, ты по сопатке хошь? – Когда Ваньке нечего говорить, он всегда так спрашивает.

Их разняли.

Последнюю бабку Ванька выставил с болью, стиснув зубы. И проиграл. Потом стоял в сторонке злой и мрачный.

– Мишка, хочешь «Барыню» оторву? – предложил он Мишке.

– За сколько? – спросил Мишка.

– За пять штук.

– Даю три.

– Четыре.

– Три.

– Ладно, пупырь, давай три. Скупердяй ты, Мишка!.. Я таких сроду не видывал. Как тебя еще земля держит?

– Ничего, держит, – спокойно сказал Мишка. – Не хочешь – не надо. Сам же напрашиваешься.

Образовали круг. Ванька подбоченился и пошел. В трудные минуты жизни, когда нужно растрогать человеческие сердца или отвести от себя карающую руку, Ванька пляшет «Барыню». И как пляшет! Взрослые говорят про него, что он, чертенок, «от хвоста грудинку отрывает».

Ванька пошел трясогузкой, смешно подкидывая зад. Помахивал над головой воображаемым платочком и бабым голосом вскрикивал: «Ух! Ух! Ух ты!». Под конец Ванька всегда становился на руки и шел, сколько мог, на руках. Все смеялись.

Прошелся Ванька по кругу раз пять, остановился.

– Давай!

Мишка бросил на снег две бабки.

Далекие зимние вечера. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Ванька опешил:

- Мы же за три договаривались!
- Хватит.

Витька передвинул шапку козырьком на затылок и медленно пошел на Мишку. Тот изготавился. Ванька неожиданно дал ему головой в живот. Мишка упал. Заварилась веселая потасовка. Половина была на Ванькиной стороне, другие – за Мишку. Образовали кучу мялу.

Но тут кто-то крикнул:

- Училка!

Всю кучу ребяташек как ветром сдуло. Похватали сумки – и кто куда! Ванька успел схватить с кона несколько бабок, перемахнул через прясло и вышел на свою улицу. Он был разгорячен дракой. Около дома ему попалась на глаза снежная баба. Ванька дал ей по уху. Высморкался на дорогу, как Мишка Босовило, вошел в избу. Запустил сумку под лавку, туда же – шапку. Полушубок не стал снимать – в избе было холодно.

На печке сидела маленькая девочка с большими синими глазами, играла в куклы. Это сестра Ваньки – Наташка.

- Ваня пришел, – сказала Наташка. – Ты в школе был?
- Был, был, – недовольно ответил Ванька, заглядывая в шкаф.
- Вань, вам про кого с"дня рассказывали?
- Про жаркие страны. – Ванька заглянул в миску на шестке, в печку. – Пошамать нечего?
- Нету, – сказала Наташка и снова стала наряжать куклу – деревянную ложку – в разноцветные лоскуты. Запела тоненьким голоском:

Ох, сронила колечко-о
С правой руки-и!
Забилось сердечко
По милым дружке-е...
Наташка пела песню на манер колыбельной, но мелодии ее – невыносимо тяжелой и заунывной – не искажала. Ванька сидел у стола и смотрел в окно.

Ох, сказали, мил помер –
Во гробе-е лежи-ит,
В глубокой могилке-е
Землю зарыт.
Ванька нахмурился и стал водить грязным пальцем по синим клеточкам клеенки.

Голос Наташи, как чистый ручеек, льется сверху в синюю пустоту избы.

Ох, надену я платье-е,
К милому пойду-у,
А месяц укажет
Дорожку к нему-у...
– Хватит тебе... распелась, – сказал Ванька. – Спой лучше про Хаз-Булата.

Наташа запела:

Хаз-Булат удало-ой...
Но тут же оборвала:

- Не хочу про Хаз-Булата.
- Вредная! Ну, про Катю.
- Катя-Катерина, купеческая дочь?

Далекie зимние вечера. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ага.

– Тоже не хочу. Я про милого буду.

Ох, пускай люди судю-ют,
Пускай говоря-ят...

Ванька поднялся, достал из-под лавки сумку, сел на пол, высыпал из сумки бабки и стал их считать. Вид у него вызывающе-спокойный; краем глаза наблюдает за Наташкой.

Наташка от неожиданности сперва онемела, потом захлопала в ладоши:

– Вот они где, бабочки-то! Ты опять в школе не был? Обязательно скажу маме. Ох, попадет тебе, Ванька!

– ...Семь, восемь... Говори, я ни капли не боюсь. Девять, десять...

– Вот не выучишься – будешь всю жизнь лоботрясом. Пожалеешь потом. Локоть-то близко будет, да не укусишь.

Ванька делает вид, что его душит смех.

– ...Одиннадцать, двенадцать... А лоботрясом, думаешь, хуже?

В сенцах что-то треснуло. Ванька сгреб бабки и замер.

– Ага! – сказала Наташка.

Но это трещит мороз.

Однако бабки все равно нужно припрятать. Ванька ссыпал их в старый валенок и вынес в сенцы.

Потом опять он сидит у стола. Думает, где можно достать три полена дров. Хорошо бы затопить камелек. Мать придет, а в избе такая теплынь, хоть по полу валяйся. Она, конечно, удивится, скажет: «Да где же ты дров-то достал, сынок?» Ванька даже пошвелелся – так захотелось достать три полена. Но дров нету, он это знает.

Наташка уже не поет, а баюкает куклу.

Нудно течет пустое тоскливое время.

За окнами стало синеть.

Чтобы отвязаться от назойливой мысли о дровах, Ванька потихоньку встал, подкрался к печке, вскочил и крикнул громко:

– А-а!

– Ой!.. Ну что ты делаешь-то? – Наташка заплакала. – Напужал, прямо сердце упало...

– Нюня! – говорит Ванька. – Ревушка-коровушка! Не принесу тебе елку. А я знаю, где вот такие елочки!

– Не надо мне твою елочку. Мне мама принесет.

– А хочешь, я тебе «Барыню» оторву?

Ванька взялся за бока и пошел по избе, и пошел, высоко подкидывая ноги в огромных валенках. Наташка засмеялась.

– Ну и дурак ты, Ванька! – сказала она, размазывая по лицу слезы. – Все равно скажу маме, как ты меня пужаешь.

Ванька подошел к окну и стал оттаивать кружок на стекле, чтобы смотреть на

Далекие зимние вечера. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
дорогу.

В избе тихо, сумрачно и пусто. И холодно.

– Вань, расскажи, как вы волка видели? – попросила Наташка.

Ваньке не хочется рассказывать – надоело.

– Как... Видели, и все.

– Ну уж!

Опять молчат.

– Вань, ты бы сейчас аржаных лепешек поел? Горяченьких, – спрашивает Наташка ни с того ни с сего.

– А ты?

– Ох, я бы поела!

Ванька смеется. Наташка тоже смеется.

В это время под окнами заскрипели легкие шаги. Ванька вскочил и сломя голову кинулся встречать мать.

Наташка запуталась в фуфайке, как перепелка в силке, – никак не может слезть с печки.

– Вань, ссади ты меня, а... Ва-ань! – просит она. Ванька пролетел мимо с криком:

– А я первый услышал!

Мать в ограде снимала с веревки стылое белье. На снегу около нее лежал узелок.

– Мам, чо эт у тебя?

– Неси в избу. Опять раздешкой выскакиваешь!

В избе Наташка колотит ножонкой в набухшую дверь и ревет – не может открыть. Увидев Ваньку с узелком в руках, она перестает плакать и пытается тоже подержаться за узел – помочь брату.

Вместе проходят к столу, быстренько развязывают узел – там немного муки и кусок сырого мяса. Легкое разочарование – ничего нельзя есть немедленно.

Мать со стуком свалила в сенях белье, вошла в избу. Она, наверно, очень устала и намерзлась за день. Но она улыбается. Родной, веселый голос ее сразу наполнил всю избу, пустоты и холода в избе как не бывало.

– Ну, как вычтут?.. Таля? (Она так зовет Наташку.) Ну-ка расскажи, хозяйюшка милая.

– Ох, мамочка-мама! – Наташка всплескивает руками. – У Ваньки в сумке бабки были. Он их считал.

Ванька смотрит в большие синие глаза сестры и громко возмущается:

– Ну что ты врешь-то! Мам, пусть она не врет никогда...

Наташка от изумления приоткрыла рот, беспомощно смотрит на мать: такой чудовищной наглости она не в силах еще понять.

– Мамочка, да были же! Он их в сенцы отнес. – Она чуть не плачет. – Ты в сенцы-то кого отнес?

– Не кого, а чего, – огрызается Ванька. – Это же неодушевленный предмет.

Далекие зимние вечера. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Мать делает вид, что сердится на Ваньку.

– Я вот покажу ему бабки. Такие бабки покажу, что он у нас до-олго помнить будет.

Но сейчас матери не до бабок – Ванька это отлично понимает. Сейчас начнется маленький праздник – будут стряпать пельмени.

– У нас дровишек нисколько не осталось? – спрашивает она.

– Нету, – сказал Ванька и предупредительно мотиулся на полаты за корытцем. – В мясо картошки будем добавлять?

– Маленько надо.

Наташка ищет на печке скалку.

– Обещал завезти Филипп одну лесинку... Не знаю... может, завезет, – говорит мать, замешивая в кути тесто.

Началась светлая жизнь. У каждого свое дело. Стучат, брякают, переговариваются... Мать рассказывает...

– Едем сейчас с сеном, глядь: а на дороге лежит лиса. Лежит себе калачиком и хоть бы хны – не шевелится, окаянная. Чуток конь не наступил. Уж до того они теперь осмелели, эти лисы.

Наташка приоткрыла рот – слушает. А Ванька спокойно говорит:

– Это потому, что война идет. Они в войну всегда смелые. Некому их стрелять – вот они и валяются на дорогах. Рыжуха, наверно?

...Мясо нарублено. Тесто тоже готово. Садятся втроем стряпать. Наташка раскатывает лепешки, мать и Ванька заворачивают в них мясо.

Наташка старается, прикусив язык; вся выпачкалась в муке. Она даже не догадывается, что вот эти самые лепешечки можно так поджарить на углях, что они будут хрустеть и таять на зубах.

Если бы в камельке горел огонь, Ванька нашел бы случай поджарить парочку.

– Мама, а у ней детки бывают? – спрашивает Наташка.

– У кого, доченька?

– У лисы.

Ванька фыркнул.

– А как же они размножаются, по-твоему? – спрашивает он Наташку.

Наташка не слушает его – обиделась.

– Есть у нее детки, – говорит мать. – Ма-аленькие... лисятки.

– А как же они не замерзнут?

Ванька так и покатился.

– Ой, ну я не могу! – восклицает он. – А шубки-то у них для чего?

– Ты тут не вякай, – говорит Наташка. – Лоботряс!

– Не надо так на брата говорить, доченька. Это нехорошо.

– Не выучится он у нас, – говорит Наташка, глядя на Ваньку строгими глазами. – Потом хватится.

Далекие зимние вечера. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Завтра зайду к учительше, – сказала мать и тоже строго посмотрела на Ваньку, – узнаю, как он там...

Ванька сосредоточенно смотрит в стол и швыряет носом. Мать посмотрела в темное окно и вздохнула:

– Обманул нас Филиппушка... образина косяя! Пойдем в березник, сынок.

Ванька быстренько достает с печки стеганые штаны, рукавицы-лохмашки, фуфайку. Мать тоже одевается потеплее. Уговаривает Наташку:

– Мы сейчас, доченька, мигом сходим. Ладно?

Наташка смотрит на них и молчит. Ей не хочется одной оставаться.

Мать с Ванькой выходят на улицу, под окном нарочно громко разговаривают, чтобы Наташка их слышала. Мать еще подходит к окну, стучит Наташке:

– Таля, мы сейчас придем. Никого не бойся, милая! Наташка что-то отвечает – не разобрать что.

– Боится, – сказала мать. – Милая ты моя-то... – Отвернулась и вытерла рукавицей глаза.

– Они все такие, – объяснил Ванька.

...Спустились по крутому взвозу к реке. На открытом месте гуляет злой ветер. Ванька пробует увернуться от него: идет боком, идет задом, а лицо все равно жжет как огнем.

– Мам, посмотри! – кричит он. Мать осматривает его лицо, больно трет шершавой рукавицей щеку. Ванька терпит.

В лесу зато тепло и тихо. Удивительно тихо, как в каком-то сонном царстве. Стройные березки молча обступили прищельцев и ждут. Ванька вылетел вперед по глубокому снегу и, облюбовав одну, ударил обухом по ее звонкому крепкому телу. Сверху с шумом тяжело ухнула тучи снега. Ванька хотел отскочить, запнулся и угодил о головой в сугроб, как в мягкую холодную постель.

Мать смеется и говорит:

– Ну вставай!

Пока Ванька отряхивается, мать утаптывает снег вокруг березки. Потом, скинув рукавицы, делает первый удар, второй, третий... Березка тихо вздрагивает и сыплет крохотными сверкающими блестками. Сталь топора хищно всплескивает холодным огнем и раз за разом все глубже вгрызается в белый упругий ствол.

Ванька тоже пробует рубить, когда мать отдыхает. Но после десяти-двенадцати ударов горячий туман застилает ему глаза. Гладкое топорище рвется из рук.

Снова рубит мать.

Березка охнула и повалилась набок.

Срубили еще одну – поменьше – Ваньке и, взвалив их на плечи, вышли на дорогу. Идти поначалу легко. Даже весело. Тонкий конец березки едет по дороге, и березка глуховато поет около уха. Прямо перед Ванькой на дороге виляет хвост березки, которую несет мать. Ванькой овладевает желание наступить на него. Он подбегает и прижимает его ногой.

– Ваня, не балуй! – строго говорит мать. Идут.

Березка гудит и гнется в такт шагам, сильно нажимая на плечо. Ванька останавливается, перекладывает ее на другое плечо. Скоро онемело и это. Ванька то и дело останавливается и перекладывает комель березы с плеча на плечо. Стало жарко. Жаром пышет в лицо дорога.

Далекие зимние вечера. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– ..Семисит семь, семисит восемь, семисит девять... – шепчет Ванька. Идут.

– Притомился? – спрашивает мать.

– Еще малость... Девяносто семь, девяносто восемь... – Ванька прикусил губу и отчаянно швыряет носом. – Девяносто девять, сто! – Ванька сбросил с плеча березку и с удовольствием вытянулся прямо на дороге.

Мать поднимает его. Сидят на березке рядом. Ваньке очень хочется лечь. Он предлагает:

– Давай сдвинем обои березки вместе, и я на них лягу, если уж так ты боишься, что я захвораю. Мать тормозит его, прижимает к теплой груди.

– Мужичок ты мой маленький, мужичок... Потерпи маленько. Большую мы тебе срубили. Надо было поменьше.

Ванька Молчит. И молчит Ванькина гордость. Мать думает вслух:

– Как теперь наша Талюшка там?.. Плачет, наверно?

– Конечно, плачет, – говорит Ванька. Он эту Талюшку изучил как свои пять пальцев. Еще некоторое время сидят.

– Отцу нашему тоже трудно там, – задумчиво говорит мать. – Небось в снегу сидят, сердешные... Хоть бы уж зимой-то не воевали.

– Теперь уж не останутся, пока фрицев не разобьют.

Еще с минуту сидят.

– Отдохнул?

– Отдохнул.

– Пошли с богом.

Было уже совсем темно, когда пришли домой.

Наташка не плакала. Она наложила в блюдце сырых пельменей, сняла с печки две куклы и усадила их перед блюдцем. Одну куклу посадила несколько дальше, а второй, та, что ближе, говорила ласково:

– Ешь, доченька моя милая, ешь! А этому лоботрясу мы не дадим сегодня.

..Ванька с матерью быстро распилили березки; Ванька впотьмах доколот чурбаки, а мать в это время затопила камелек.

Потом Ванька с Наташкой сидят перед камельком. Огонь весело гудит в печке; пятна света, точно маленькие желтые котятка, играют на полу. Ванька блаженно молчит. Наташка пристроилась у него на коленях и тоже молчит. По избе голубыми волнами разливается ласковое тепло. Наташку клонит ко сну. Ваньку тоже. А в чугунке еще только-только начинает «ходить» вода. Мать кроит на столе материю, время от времени окликает ребятишек и рассказывает:

– Вот придет Новый год, срубим мы себе елочку, хоро-ошенькую елочку... Таля, слышишь? Не спите, милые мои. Вот срубим мы эту елочку, разукрасим ее всякими шишками да игрушками, всякими зайчиками – до того она у нас будет красивая...

Ванька хочет слушать, но кто-то осторожно берет его за плечи и валит на пол. Ванька сопротивляется, но слабо. Голос матери доносится откуда-то издалека. Кажется Ваньке, что они опять в лесу, что лежит Ванька в снегу... Мать ищет его по лесу, зовет. А Ванька лежит в снегу и помалкивает. Странно, что в снегу тепло.

..Разбудить их, наверно, было нелегко. Когда Ванька всплыл из тягучего сладкого сна на поверхность, мать говорила:

Далекие зимние вечера. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– ...Это что же за сон такой, обломон... сморил моих человечков. Ух, он сон какой!..

Ванька, покачиваясь, идет к столу.

В тарелке на столе дымят пельмени, но теперь это уже не волнует. Есть не хочется. Наташка, та вообще не хочет просыпаться. Хитрая, как та лиса. Мать полусонную усаживает ее за стол. Она чихает и норовит устроиться спать за столом. Мать смеется. Ванька тоже улыбается. Едят.

Через несколько минут Ванька объявляет, что наелся до отказа. Но мать заставляет есть еще.

– Ты же себя обманываешь – не кого-нибудь, – говорит она.

...После ужина Ванька стоит перед матерью и спит, свесив голову. Материны теплые руки поворачивают Ваньку: полоска клеенчатого сантиметра обвивает Ванькину грудь, шею – ему шьется новая рубаха. Сантиметр холодный – Ванька ежится.

Потом Ванька лезет на полати и, едва коснувшись подушки, засыпает. Наташка тоже спит. В одной руке у нее зажат пельмень.

В самый последний момент Ванька слышит стрекот швейной машинки – завтра он пойдет в школу в новой рубахе.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!